

Ирина Петрова

Ирина Петрова (творческий псевдоним Ирина Векка) родилась в 1987 г. в городе Копейске Челябинской области. Живёт там же. Окончила Южно-Уральский государственный университет по специальности «государственное и муниципальное управление» (2009).

Выпускница Литературных курсов 2022 г.

Пишет стихи и прозу. Произведения публиковались в сборниках издательства АСТ «Планета сокровищ» (2019) и «Удивительные истории о ведьмах» (2022), в сборнике «Новые сказки» издательства «Союз писателей» (2018), в сборнике Челябинского государственного Центра народного творчества «Стихи – души моей язык» (2021), в копейском сборнике «Пешком до Луны» (2021) и др.

Лауреат первой степени в номинации «Проза молодая», лауреат второй степени в номинации «Поэзия молодая» в областном конкурсе литературных объединений «Люблю тебя, мой край родной» (Челябинск, 2021), лауреат первой степени в номинации «Проза», лауреат третьей степени в номинации «Поэзия» в областном литературном конкурсе «Литера Артель» (Челябинск, 2020).

Член редколлегии МОЛЛИТО «Диалект» города Копейска, член творческого объединения детских авторов России (ТО ДАР).

Дождь за неё

Рассказ

Дождь лил, будто небо и море повздорили – поменялись местами. Всё с ног на голову. Море изливалось сверху, небо не торопилось подниматься. По лобовому стеклу вода – не слёзками, водопадом. Эльза не плакала. Дождь за неё.

В окно смотрела мельком. Не могла оторвать взгляд от Стаса. Лицо с широкими скулами, мощная шея, рельефные руки с большими ладонями и длинными пальцами. Любовалась. Обнять и не отпустить. Молчала, чтобы не отвлекать от дороги.

Немного подождали в машине. Повяло мокрой листвой. Как всегда, засорилась ливнёвка. К подъезду не подойти. Эльза замерла в нерешительности. Сосед выбирался из подъезда в рыбацких сапогах. Двор – сплошная лужа, а она – в босоножках.

Стас сбросил сандалии, взял Эльзу на руки и босиком пошёл через лужу к лесенкам подъезда. Она обхватила его за шею. Слегка коснулась щекой, стараясь не обращать внимания на удивлённых прохожих. Боялась, что Стас простудится, вода-то холодная!

Быстро поднимались по лестнице. Эльза угадывала по запахам на лестничных площадках, что приготовлено – жареная картошка, фаршированные перцы, убежавшее молоко. Пригорело.

Стас достал старую сумку цвета хаки и забросил в неё носки, мыло, консервы. Военный билет положил на столик в прихожей.

Лег на диван, будто всё по-прежнему. Эльза целовала его в веки – влажные, солёные. Тербила жёсткие волоски его бороды, разглаживала пальцем выпуклый белый шрам на плече, похожий на многоножку, водила рукой по груди. Верила его спокойствию. Обманывалась. Обнимала. Мечтала, что завтра сумка цвета хаки из прихожей снова переберётся на шкаф и понадобится, только когда они поедут на озеро. Будет обычный день. Счастливый день. Какая бы ни была погода. Ливень. Солнце. Снег.

Он гладил её руки и целовал между пальцами. Шептал молитвой: «Моя жена. Моя»...

Они уснули в обнимку.

Небо

Рассказ

Они шли без зонтов. Мелкий дождь то моросил, то давал передышку. Из палисадника пахло мёдом, и казалось, что к этому аромату примешиваются ноты корицы. В магазине купили только самое дешёвое и необходимое.

Неделя до зарплаты. От нехватки денег казалось, что чувство голода разрастается ещё сильнее, хотя дома в морозилке были грибы и минтай. Хотелось скупать всё съедобное – слоёные уголки с яблоками, ветчину, сыр, черешню и помидоры. Дождаться бы, когда поспеет черёмуха, и ка-

тать на языке красные ягоды – сладкие, вяжущие, витаминные!

Оба работали полный рабочий день и радовались, что даже в кризис получали полную зарплату. Зарплаты хватало на продукты и оплату коммунальных услуг. На отпускные можно было провести четыре дня на базе отдыха у местного озера в заплесневелых картонных домиках с удобствами на улице. Стабильность. У них всегда были крыша над головой и варёные макароны в холодильнике.

В аптеке она спросила, сколько стоят лекарства и витамины, которые выписал ей врач.

– Спасибо, не надо. Очень дорого, – решила она. Неделя до зарплаты. А уж потом она хотя бы половину назначенного точно купит.

Периодически они возвращались к дискуссии о том, что в прошлом сделали неправильный выбор – не там учились, не на тех учились, не туда устроились работать, не обзавелись нужными связями. И только об одном они не сожалели никогда – о том, что выбрали друг друга.

У них была одна комната и один диван. Когда они ссорились, некуда было уходить, и ночью они всегда встречались на диване.

В выходные беличье колесо останавливалось, и ненавистный будильник отдыхал.

В настезь открытое окно, свободное от mosquito-сетки, жалюзи и занавесок, врвалось небо – синее, объёмное, глубокое, как океан. В небе

кружил тополиный пух, легко выплывавая волны и набирая высоту. От этого ощущения необъятного неба и невесомого пуха казалось, что всё ещё впереди, что всё можно начать с начала, что они – такие же свободные и легкие на подъём.

Как в детстве, когда лежишь на крыше летней кухни, смотришь на летящие облака и птиц, всеми легкими вдыхаешь тёплый воздух, мысленно обводишь рукой контуры пушистых кустов, делающих пространство выпуклым и многомерным. И чувствуешь, что счастье в тебе, и в воздухе, и в солнце, и в траве, и что весь мир – твой, и он прекрасен! И это счастье обязательно нужно кому-то показать, с кем-то разделить, как свежую краюшку хлеба с воздушным мякишем и хрустящей корочкой.

В такие моменты они не жалели ни о чем. У них были и крыша, и небо, и хлеб, и они были друг у друга.

Голубка

Рассказ

Говорила ему много раз, чтобы он завязывал с этим. Но вечером меня ждала очередная коробка.

В коробке – голубка со сломанным крылом.

– Не оставлять же ее умирать на улице? – парировал он. – Она же летать не может!

Эта птица, в отличие от предыдущих, много хлопот не доставляла. Сама ела перловку из кормушки и пила воду из обрезанного бумажного стаканчика. Ходила по балкону, прихрамывая на одну лапку. На ночь забиралась спать в коробку. Утром выпрыгивала на завтрак. Освоила короткий путь: пылесос – багажник велосипеда. Посадишь на подоконник балкона – будет сидеть там, пока не снимешь.

Она тяжело дышала, и я была уверена, что у неё повреждены не только крыло и лапа.

Наблюдая за ней, я подумала, что эта голубка – я. Живу у него. Куда посадит, там и нахожусь. Летать не могу. Хлопот не доставляю. И теперь мне было жалко не только её, но и себя. Он говорил, что писательство – никому не нужная ерунда. Что я зря трачу время. Я задыхалась. И подумывала уйти от него.

Оставила на сайте вакансий резюме. Отправила несколько повестей на литературные конкурсы и в разные издательства.

Голубка прожила у нас две недели. Когда он взял её на руки, она отказалась слезать на подоконник. Лапки подгибались. Она хватала воздух открытым клювом. Умерла у него на руках.

Резюме не нашло откликов. После десятка отказов в публикациях я перестала рассылать рукописи. От хронического недосыпа стала писать всё реже.

Помогли друзья. Сменила работу так кардинально, что окружающие задавались вопросом: почему? Вставала в пять утра. Не высыпалась ещё больше, но появились вдохновение и радость жизни. Вместо того чтобы готовить котлеты, я покупала готовые котлеты и писала тексты. Я позволяла себе уезжать из области на писательские семинары без него. Мои тексты стали публиковать.

Он принёс в кофте стрижа. Нелетающего подросшего птенца. Я категорически отказалась ухаживать за птицей и убирать за ней. Он сказал: «Не хочешь, не убирай». Распахнул окно и вытрянул стрижа из кофты.

Стриж стал падать, затрепыхал крыльями и взлетел. Я с облегчением вздохнула. Заварила чай с медом и лимоном и открыла ноутбук.

– Наконец-то ты стала собой, – сказал он мне.